

Исторический вестник. 2021. Т. XXXVI

DOI: 10.35549/HR.2021.2021.36.004

С.М. Исхаков

БОРЬБА ТАТАР КРЫМА ЗА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ (1917 — КОНЕЦ 1930-х гг.)

революционном 1917 г. многочисленные нерусские народы расколовшейся Российской империи вставали на путь самоопределения и создания своей государственности. Как верно отмечалось, в частности известным историком Р.Г. Кузеевым, не требует доказательства тезис, что созидательное развитие успешно может происходить только на демократической основе, с учетом историко-культурных особенностей региона, интересов человека и всех народов¹. Возникшая после 1917 г. подобная проблема в различных частях Северной Евразии остается дискуссионной в современном обществе и исторической литературе.

Советская национальная политика, как было принято считать в советской историографии, привела к возникновению национальной государственности народов бывшей империи и добровольному объединению народов. На практике же национальный вопрос, как отмечается в совре-

¹ Кузеев Р.Г. Евразия: альтернативы теоретических подходов и перспективы изучения // Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития. Тезисы докладов международной научной конференции (14–15 сентября 2000 г.). Уфа, 2000. С. 21.

менной историографии, подчинялся интернационалистской (фактически централистской) идее — созданию новой общности людей, при этом социальные проблемы имели приоритетное значение, а национальные интересы были отодвинуты на задний план.

В современной российской историографии распространено мнение, что советская национальная политика, как и царская, не решила национальную проблему, что в конечном итоге привело к распаду многонационального СССР. Главным препятствием для этой политики стали, как считается, этническая психология и ее различные проявления. Сдвиги в психологии народов, как известно, происходят гораздо медленнее, чем изменения в политике, экономике, культуре, социуме в целом. Что касается западных историков, то многие из них, по свидетельству известного британского историка Дж. Смита, поняли, что советской национальной политики не существовало после 1920-х гг., но тем не менее продолжают ссылаться на нее².

В Крыму — одном из историко-культурных регионов Северной Евразии с многонациональным составом населения — в 1917–1941 гг. специфику событий определял крымско-татарский фактор — интересы, настроения, устремления этой части населения полуострова, которая к 1917 г. составляла здесь большинство — около полумиллиона человек. Различные аспекты национальной политики в Крыму затрагивались почти всеми его исследователями данного периода. Однако после 1945 г. оценка крымско-татарского фактора резко изменилась. История крымских татар в советской историографии во второй половине XX в. не только игнорировалась, но и фальсифицировалась, что было следствием их депортации в 1944 г.

Крымская ССР, образованная в мае 1919 г., как и ее историческая предшественница — Таврическая ССР, по идее продолжала оставаться объединением чисто территориального, а не национально-территориального порядка, образованная в 1921 г. Крымская республика в составе РСФСР не являлась татарской, она была многонациональной³, подчеркивалось в советской историографии. До конца 1980-х гг. в советской историографии многие факты, которые касались особенно истории татар Крыма XX в., продолжали, несмотря на перестройку, замалчиваться и скрываться.

² Smith J. Was There a Soviet Nationality Policy? // *Europe—Asia Studies*. 2019. Vol. 71. N. 6. P. 990.

³ История национально-государственного строительства в СССР, 1917–1978. В 2 т. Т. I. 3-е изд., доп. и перераб. М., 1979. С. 196.

Перемены в крымской историографии начались после распада СССР, когда историки обратили внимание на историю татар Крыма. При этом относительно характеристики национальной и вероисповедной политики советского государства в их отношении в межвоенный период возникли различные мнения. Одни авторы вслед за западной советологией времен «холодной» войны считают, что имела место репрессивная политика, что стремление к национальной автономии крымских татар властью в расчет не принималось, так как была цель — ликвидировать в конечном счете Крымскую республику. Об этом стали писать советский и российский исследователь истории Северной Европы В.Е. Возгрин (Ленинград/Петербург), советский и украинский африканист Д.П. Урсу (Крым) и др.⁴ Так, Р.И. Хаяли отмечал, что репрессивная политика советского государства в отношении крымских татар в 1920–1930-е гг. заложила глубокое недовольство и противостояние между ними и властью⁵. По мнению Э. Сейдаметова, Москва претворяла в жизнь идею «очищения» Крыма от крымских татар, аргументируя тем, что были голод 1921–1922 гг. и 1932–1933 гг., коллективизация, красный террор конца 1920-х — 1930-х гг., которые привели к огромным жертвам среди них⁶. С точки зрения немецкого историка К. Йобст, и в Российской империи, и в СССР присутствие крымских татар-мусульман было помехой и опасностью для российского управления в целом, власть сознательно проводила политику поощрения исхода их из Крыма⁷. Она полагает, что хотя при советской власти в Крыму до 1941 г. крымским татарам формально были предоставлены все

⁴ Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992; Он же. Империя и Крым — долгий путь к геноциду. Бахчисарай, 1994; Урсу Д.П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941 гг.). Симферополь, 1999; Омельчук Д.В., Акулов М.Р., Вакатова Л.П., Шевцова Н.Н., Юрченко С.В. Политические репрессии в Крыму (1920–1940 годы). Симферополь, 2003; Возгрин В.Е. История крымских татар. В 4 т. СПб., 2013; Он же. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма. В 4 т. 4-е изд. Симферополь, 2015.

⁵ Хаяли Р. Репрессивная политика советского государства в отношении крымских татар (1921–1941 гг.) // 3 архівів ВУЧК—ГПУ—НКВД—КГБ № 1 (32) 2009 р. Харків, 2009. С. 86.

⁶ Сейдаметов Э.Х. Крымскотатарская диаспора в мире: основные вопросы изучения проблемы // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы. КИПУ. Сборник. Т. I. Симферополь, 2011. С. 416.

⁷ См.: Jobst K.S. Die Perle des Imperiums. Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich. Konstanz, 2007; Йобст К. Крым как российское lieu de mémoire. Истоки в XIX в. // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX — начало XX века). Международный colloquium. Научные доклады. Санкт-Петербург, 25–28 июня 2007 г. СПб., 2007. С. 88–93.

возможности для участия в местной политической жизни, но эти права далеко не всегда соблюдались⁸.

В монографии, посвященной крымским татарам и советской национальной политике, и в ряде статей на эту тему французский историк Г. Дюфо, который преимущественно на основе впервые используемых материалов из московских и крымских архивов рассмотрел, как представители крымских татар в условиях Гражданской войны стали сотрудничать с большевиками, как те использовали отношения между казанскими и крымскими татарами, как шла борьба между популярными среди последних местными политиками и большевиками за управление Крымом, как крымские татары включались в крымскую политику, как на почве национальной политики возникли конфликты между ними самими, между их представителями и Крымским обкомом РКП(б)/ВКП(б). По мнению Дюфо, в Крыму не было сотрудничества между большевиками и татарскими активистами, что новые правители не собирались терпеть татарское движение, которое могло соперничать или оспаривать авторитет Москвы, что правителям были срочно нужны местные руководители и отдельные лица, готовые помочь им держать население, отчужденное от власти репрессиями. Большевики таким образом использовали определенных татарских представителей, которые примкнули к ним. Однако в середине 1920-х гг. татарские представители стали рассматриваться в Москве как потенциальная «националистическая угроза». В результате в Крыму прокатилась волна показательных процессов над наиболее популярными крымско-татарскими политиками⁹.

Имеется диаметрально противоположный репрессивному подходу взгляд. Советская национальная политика, к примеру, пишет Г.Н. Кондратюк (Крым), в конечном итоге была призвана реализовать коренные интересы крымских татар. Он выделяет следующие этапы в реализации национальной политики в их отношении — первый (1917–1923 гг.): с на-

⁸ Jobst K.S. «Dunkle» und «Goldene» Zeiten: Die krimtatarische Bevölkerung unter zarischer und sowjetischer Herrschaft bis 1941 // Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften / Austrian Journal of Historical Studies. 2017. Vol. 28. Issue 1. S. 91–113.

⁹ Dufaud G. Les Tatars de Crimée et la politique soviétique des nationalités. Paris, 2011; Он же. L'invention d'une déviation nationaliste dans l'Union soviétique des années vingt: les Tatars de Crimée et la veli-ibraïmochchina // Genèses. Sciences sociales et histoire. 2012. № 86. P. 105–126; Он же. The Establishment of Bolshevik Power in the Crimea and the Construction of a Multinational Soviet state: Organisation, Justification, Uncertainty // Contemporary European History. 2012. № 2. P. 257–272.

чала большевистской революции и до XII съезда РКП(б) в апреле 1923 г., когда шел поиск концептуальных принципов этой политики, происходило создание автономных республик; второй этап (1923–1928 гг.): начинается с коренизации и заканчивается судебным процессом по «делу» В. Ибраимова; третий этап — с 1928 по 1934 г.: создание крымско-татарских административных единиц и квотирование; четвертый этап (1934–1938 гг.): формирование национальных колхозов и крымско-татарского пролетариата, новой культуры — «национальной по форме, но социалистической по содержанию»¹⁰. Советская государственная политика решения крымско-татарского вопроса в сфере управления в 1920–1930-х гг. итогом имела, по В.Н. Пащенко (Крым), достижение крымскими татарами такого уровня развития, которого не имел ни один тюркский народ СССР довоенного периода¹¹. В коллективном труде «История Крыма», изданном в Москве в 2017 г., который представляет собой первую в науке сводную академическую историю полуострова с древности до наших дней, трактовка советской этнополитики в Крыму этого периода представлена Г.Н. Кондратьюком.

По-разному оценивают исследователи и причины создания Крымской ССР в 1921 г.: как форпост Москвы для продвижения мировой революции на Ближнем Востоке или как национальная государственность крымских татар, что аргументируется главным образом тем, что политика коренизации (укоренение советской власти в национальных регионах СССР с целью получения поддержки местных элит в союзных и автономных республиках), которая в Крыму приняла форму татаризации, дала части исследователей основания считать Крымскую ССР национальной автономией и что эта республика прекратила существование сразу же после депортации этого коренного населения в 1944 г. Для ряда исследователей политика татаризации не дала власти желаемых результатов, а только способствовала обострению межнациональных отношений в республике¹².

По мнению Т.Б. Быковой (Украина), республика в Крыму позволяла большевикам остановить национально-освободительное движе-

¹⁰ Кондратьюк Г.Н. Ученый в контексте эпохи: деятельность Османа Акчокраклы в период коренизации в Крымской АССР (1921–1938 гг.) // Акчокраклы Осман Нури. Избранные сочинения по истории, археологии, этнографии. Симферополь, 2016. С. 28–29.

¹¹ Пащенко В.Н. Развитие сталинской системы государственного управления в России и Крыму в 1930-х годах. 2-е изд. Симферополь, 2018. С. 298.

¹² См.: Быкова Т.Б. Створення Кримської АСРР (1917–1921 рр.). Київ, 2011. С. 15–16.

ние крымских татар, которые во время Гражданской войны привыкли к мысли о возможности установления собственной государственности. Укрощение опасной для большевистской диктатуры крымско-татарской национально-освободительной идеи должно было перевести движение в рамки управляемого большевистским руководством процесса. Создавая в Крыму республику, большевики менее всего думали о соблюдении права наций на самоопределение, а стремились только к одной цели — закреплению собственного господства на этой территории¹³.

Таким образом, в современной историографии налицо две основные трактовки политики советской власти в отношении Крыма и крымских татар — пессимистическая и оптимистическая. Подобные взгляды объяснимы прежде всего идеологическим восприятием подлинных их интересов, в то же время интересны с точки зрения политической антропологии и современной политологии. Обратимся к основным фактам, которые определили позицию крымских татар в том, каковы их национальные интересы, а также к тем факторам, которые при этом не учитывались в историографии.

Самоопределение крымских татар (1917—1920 гг.)

Когда 17 марта 1917 г. исполком Симферопольского совета во главе с меньшевиком П.И. Новицким отклонил ходатайство крымских татар о предоставлении им места на том основании, что национальные организации представительства в Совете не имеют, то крымские татары показали, что были способны действовать самостоятельно. 25 марта 1917 г. в Симферополе состоялся Крымско-татарский курултай, на котором был избран Временный крымско-мусульманский исполнительный комитет (ВКМИК). Его главой был избран Ч. Челебиев, который также был избран муфтием — главой Таврического магометанского духовного правления. На Курултае было решено требовать «национально-культурной автономии, как необходимого фактора свободного развития национального самосознания»¹⁴. ВКМИК — первый орган автономной татарской власти в Крыму — получил признание Временного правительства как единственного полномочного и законного административного органа,

¹³ Там же. С. 203.

¹⁴ Голос татар (Симферополь). 1917. 22 июля.

представляющего всех крымских татар. Так начался их процесс политической социализации, хотя никто из их лидеров еще не имел скольконибудь четкого представления о будущем Крыма и его государственном устройстве.

Однако свержение Временного правительства и появление советского правительства в Петрограде осенью 1917 г., а также III универсал украинской Центральной рады (7 ноября 1917 г.), провозгласивший Украинскую Народную Республику (УНР) без Крымского полуострова, резко изменили ситуацию в Крыму. С 26 ноября по 13 декабря 1917 г. в Бахчисарае заседал Курултай, который утвердил Конституцию Крымской Народной Республики (КрНР) из 18 статей — «Крымско-татарские основные законы», избрал крымско-татарское правительство — директорию во главе с Челебиевым, а Курултай из Учредительного собрания преобразовался в парламент. Центральная рада направила своего представителя в Бахчисарай, чтобы поздравить с открытием Курултая. 13 декабря возникла КрНР, главой которой стал Челебиев. Крымские татары тем самым осуществили свое право на самоопределение. Их конституция была первой в мусульманском мире. В ней использовались принципы западноевропейской демократии и парламентаризма, провозглашалась республика, признавалось равноправие всех народов Крыма.

Во внешней политике директория взяла твердый курс на независимость как от Петрограда, так и от Киева. Министр иностранных дел КрНР Дж. Сейдамет направил в Киев телеграмму, приветствуя правительство УНР от имени татарского правительства и выражая надежду, что украинцы и татары пойдут рука об руку по пути защиты своих национальных прав¹⁵. В другой телеграмме, направленной из Симферополя в Киев в конце 1917 г., подчеркивалось, что директория «не признает для себя обязательными условия мира, которые касаются Крыма и которые будут решены представителями других народностей России. Для охраны интересов населяющих Крым народов» она решила направить своих представителей во главе с Челебиевым в Брест¹⁶, где проходили переговоры между Германией и советской Россией.

Понимая, что свою свободу придется защищать как от крымских большевиков, так и от киевских политиков, Курултай принял решение

¹⁵ Нова Рада (Київ). 1917. 20 грудня.

¹⁶ Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 23. Л. 258.

о создании вооруженных сил республики, основу которых составляли 1-й и 2-й крымско-татарские кавалерийские полки и 1-й крымско-татарский полк, которые входили в объединенный Штаб крымских войск (под командованием подполковника В.В. Макухина). По разным данным, в состав частей, подчиненных штабу, входили до 5 тыс. человек, которые прошли Первую мировую войну¹⁷. По данным военного министра директории, у штаба имелись 3500 пехотинцев, 1800 кавалеристов, 4 орудия¹⁸. Под властью директории находился весь Крым, за исключением Севастополя, где размещались большевизированный флот и красногвардейцы.

Чтобы укрепить свои позиции в самом Симферополе, 3 января 1918 г. по инициативе Челебиева директория для своей работы заняла дом бывшего таврического губернатора, где с весны 1917 г. размещались губернский общественный комитет, городской Совет рабочих и солдатских депутатов, комитеты партийных и профсоюзных организаций, что вызвало сильный протест с их стороны. В результате 4 января на заседании директории было решено покинуть это здание, а Челебиев в знак протеста против этого решения подал в отставку, а на его место был избран Сейдамет¹⁹. Эти перемены были отражением внутренних разногласий в руководстве республики, борьбой за лидерство, что привело к политическому кризису и к тяжелым для республики последствиям.

Под Бахчисараем в начале января 1918 г. произошли бои между матросами Черноморского флота, красногвардейцами Севастополя, имевшими значительный численный перевес над вооруженными силами КрНР, в результате которых последние отступили. 11 января Симферопольский ВРК принял решение о вооруженном восстании в городе, где шли заседания Курултая. В результате переговоров председателя этого комитета Ж. Миллера и председателя Курултая С. Айвазова, которые состоялись в ночь на 12 января, ими было составлено воззвание к населению Крыма, с призывом прекратить вооруженную борьбу. Большевики обещали сохранить татарский парламент, татарские воинские формирования, национальную государственность в обмен на лояльный нейтралитет в отношении советской власти и отказ от сотрудничества с ее врагами²⁰.

¹⁷ Бикова Т.Б. Указ. соч. С. 57.

¹⁸ Azerbaycan Cumhuriyeti. 1918–1920 (Osmanlı arşiv belgeleri). İstanbul, 2018. S. 82.

¹⁹ Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 3. г. Симферополь. Белгород, 2018. С. 148–149.

²⁰ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь, 2008. С. 258.

Обещания эти на деле оказались всего лишь уловкой. 12 января рабочие, выполняя решения ревкома, подняли восстание в Симферополе. А 1-й и 2-й крымско-татарские полки были распущены 14 января. В тот же день большевики захватили город и свергли директорию, после чего Миллер написал Севастопольскому ВРК, что «глава татар Челебиев задержан и находится у нас в плену»²¹. И в этот же день большевики на аэроплане вывезли Челебиева в Севастополь²². 17 января большевики распустили этот парламент²³. 22–24 февраля в севастопольской тюрьме большевиками были расстреляны 600 человек, в том числе Челебиев. Очевидно, что разгром парламента и его гибель произошли из-за того, что большевики не хотели допустить поездки представителей КрНР в Брест, где шли их переговоры с немцами. Такое решение было принято, надо полагать, в Петрограде, а не в Севастополе. Устранение такой крупной политической фигуры означало, что большевистское руководство, вопреки своим же лозунгам и заявлениям, было против того, чтобы предоставить крымским татарам самоопределение. А оно, согласно распространенным до сих пор взглядам, означало либо «стремление татар захватить власть в Крыму»²⁴, либо усиление их национализма: причем татары, по А.С. Пученкову, даже были виновны и в расстрелах в Крыму, поскольку под предлогом борьбы с татарским национализмом большевики смогли осуществить устранение из флота наиболее ненавистных офицеров²⁵. Это, разумеется, не так.

То, что творилось тогда в Крыму представителями новой власти в отношении татар, вызвало шок даже в далеком от него Ташкенте. В Крыму «в борьбе против мусульман русские... — констатировал печатный орган Туркестанской АССР, — грабят и сжигают попавшие в их руки мусульманские аулы и деревни и совершают всякие безобразно дикие жестокости, какие только в состоянии сделать. Уцелевшие мусульмане, оставляя все имущество победителям, голодные, почти голые и без средств к существованию, бегут в горы... В Крыму воюют две нации, вернее, два мира... Одна из мусульманских областей, первая сделавшая шаг к осуществле-

²¹ Борьба за советскую власть в Крыму. Документы и материалы. Т. 1 (Март 1917 г. — апрель 1918 г.). Симферополь, 1957. С. 170.

²² Özcan Ö. Bir vatandan bir vatana. Rusya Müslümanlarından Türk İlim, Fikir ve Siyaset Hayatına Katkıda Bulunanlar. İstanbul, 2018. S. 401.

²³ Хаяли Р.И. Очерки истории общественно-политической и культурной жизни крымских татар в XX веке. Симферополь, 2008. С. 115.

²⁴ История Крыма. В 2 т. М., 2017. Т. 2. С. 406.

²⁵ Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 124–125.

нию автономии, стирается с лица земли»²⁶. Озверевшие матросы, писал очевидец событий русский писатель М.А. Волошин, топтали под ногами право местных татар на самостоятельность, подвергли огню их памятники и мечети, истязали, убивали лучших сыновей крымских мусульман, боровшихся за благо своего народа и свою родину²⁷. Но попытка советского руководства подавить сопротивление крымских татар не удалась, и с фактом провозглашения и существования КрНР большевикам все же пришлось считаться.

Вместо нее ими весной 1918 г. была создана Таврическая ССР. Пытаясь получить хоть какую-либо поддержку крымских татар, в состав ее правительства был включен в качестве наркома иностранных дел и по делам национальностей крымский татарин И. Фирдевс. Выступая на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока в Москве, он отметил 29 ноября 1919 г.: «В прошлом году, когда как раз в Крыму возникло национальное движение с оружием в руках, с тактикой ультранационализма, создалась реакция... Тогда реакционеры перебили большинство советских работников»²⁸. Это еще одно свидетельство негативного отношения к новой власти крымских татар в целом. Неприязнь их к большевикам, однако, не распространялась на отдельных коммунистов и их семьи, о чем свидетельствует такой примечательный факт: Е.М. Зубова-Ломакина, жена большевика и командира Красной армии, воевавшего в Крыму, с детьми полтора года скрывалась там в татарском селе при власти белых, которые отдали приказ о ее аресте²⁹. Татары не выдали ее белым, о чем она с благодарностью вспоминала спустя годы.

Таврическая республика вскоре прекратила свое существование, так как не имела опоры в татарских массах — большой и сплоченной социальной группы Крыма. 18 апреля 1918 г. началось общекрымское антисоветское восстание, в котором приняли участие самые разные политические силы, но его главным двигателем были крымские татары³⁰. В тот же день немецкие войска, двигавшиеся в Крым, штур-

²⁶ Новый Туркестан (Ташкент). 1918. 5 апреля.

²⁷ Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М., 2014. С. 701.

²⁸ Протоколы I и II всероссийских съездов коммунистических организаций народов Востока. Москва. 1918, 1919 годы. М., 2017. С. 334.

²⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-482. Оп. 42. Д. 2262. Л. 3.

³⁰ Громенко С.В. Забута перемога. Кримська операція Петра Болбочана 1918 року. Київ, 2018. С. 117.

мовали Перекоп, а 21 апреля заняли Симферополь. С их приходом свою деятельность возобновили Курултай и директория. На заседании Курултая 18 мая 1918 г. был утвержден документ, которым он объявлял себя временным крымским парламентом с правом формирования правительства, а премьер-министром был избран Дж. Сейдамет. 5 июня Курултай ушел на каникулы³¹. В тот же день ситуация резко изменилась в связи с тем, что германское командование решило, что крымское краевое правительство сформирует монархист генерал-лейтенант М.А. Сулькевич, из литовских татар. Надежда Сулькевича на Берлин была связана с тем, что он полагал, что там не допустят, чтобы большевики захватили Крым³².

В свой интернациональный кабинет Сулькевич, учитывая интересы крымских татар, ввел министром иностранных дел Дж. Сейдамета, министром юстиции сенатора А. Ахматовича (литовского татарина), а затем еще двух литовских татар — военным министром и министром государственного имущества. Одной из срочных задач Сулькевич считал созыв крымского парламента и делал все для этого — издал ряд важных законов (о крымском гражданстве, о вакуфах и т.д.). Проводя частичную реорганизацию администрации и самоуправления Крыма, Сулькевич назначил на многие ответственные посты, в том числе руководителей пограничной охраны, комиссаров полиции, мусульман, среди которых значительный процент составляли польско-литовские татары. 30 июля 1918 г. Сулькевич уведомил директорию, которая превратилась в орган национального самоуправления и распоряжалась вакуфным имуществом, о признании его правительством культурно-национальной автономии крымских татар³³. Тем самым при нем продолжился процесс политической социализации крымских татар.

В Киеве с приходом к власти весной 1918 г. гетмана П.П. Скоропадского крымская политика была нацелена на то, чтобы насильственно присоединить Крым к украинскому государству. Киевские политики сначала попытались осуществить эту аннексию вооруженным путем, но, потерпев неудачу, перешли к дипломатическим переговорам. При этом, чтобы оказать нажим на правительство Сулькевича, Скоропад-

³¹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 104, 106, 107.

³² Archives du ministère des Affaires étrangères de France. Correspondance politique et commerciale 1914–1940 (AMAEF). Ser. Z. Car. 651. Dos. 2. F. 15.

³³ История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). Симферополь, 2007. С. 300.

ский заблокировал крымско-украинскую границу, а представителю германского правительства был вручен меморандум о важном экономическом и стратегическом значении Крыма для Киева. В этой ситуации Сулькевич направил в Берлин Сейдамета, чтобы заручиться поддержкой германского правительства против намерений Скоропадского. Сейдамет вручил в Берлине соответствующий меморандум, после чего немцы потребовали от Скоропадского прекращения таможенной войны и урегулирования крымско-украинских отношений в ходе переговоров³⁴. Вопрос с Крымом был решен при участии Берлина, вследствие чего, утверждает ряд украинских историков, здесь установилась автономия³⁵. Это не так. В результате последовавших позднее между Симферополем и Киевом переговоров были выработаны, полагают другие украинские историки, лишь предварительные условия вхождения Крыма в состав украинского государства, которые должны были быть рассмотрены и утверждены Курултаем и съездами национальных и общественных организаций Крыма, чего не произошло из-за восстания в ноябре 1918 г. против Скоропадского, приведшего к его бегству и восстановлению власти УНР³⁶. Вхождения Крыма в том или ином виде в украинское государство не состоялось, а действия киевских политиков не оставили сомнений у крымских татар, что с их правом на самоопределение в сопредельной стране не считались.

Окончание Первой мировой войны изменило ситуацию и в Крыму: в ноябре произошла эвакуация отсюда германских оккупационных властей, а 2 (15) ноября 1918 г. кабинет Сулькевича ушел в отставку и приступило к деятельности второе крымское краевое правительство во главе с кадетом С.С. Крымом, которое опиралось на вступившие в Крым французские войска и войска А.И. Деникина. Курултай поставил одним из основных условий формирования новой власти — вхождение в состав краевого правительства 4 министров-мусульман в соответствии с процентным отношением татар к остальному населению Крыма. Причем премьер-министром должен был стать татарин. Но кадеты не приняли это предложение и переговоры окончились разрывом: татары отказались

³⁴ *Krymlh* Y. W odpowiedzi ukraińskim imperjalistom. Wilno, 1938. S. 7–9.

³⁵ Пискун В. Институциональное становление дипломатии и внешнеполитические ориентации украинских правительств (1917–1918 гг.) // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения: сб. ст. М., 2014. С. 317.

³⁶ Бикова Т.Б. Указ. соч. С. 85.

от участия в таком правительстве³⁷. Тем самым возникли политическое отчуждение, пассивность их от общекрымской власти.

И в то же время усилилась их собственная политическая активность, которая выразилась в работе такого института, как парламент. Участники пяти уездных съездов татар в декабре 1918 г. избрали депутатов в новый татарский парламент, поскольку срок полномочий I Курултая, избранного в декабре 1917 г. сроком на один год, закончился. В середине февраля 1919 г. начал работу II Курултай, который заседал в течение трех недель³⁸. Деникину запомнилось, что на Курултае хотя и было высказано полное сочувствие идеям Добровольческой армии, не проявив его, впрочем, никакой поддержкой объявленной мобилизации³⁹. Причина этого заключалась в антитатарской политике правительства во главе с Крымом, который, несмотря на то, что в это правительство не вошел ни один представитель крымских татар, стремился осуществить мобилизацию крымских татар и отправить их воевать с красными. Крымско-татарский парламент предоставил в ходе этой сессии Сейдамету право защищать на международной арене национальные интересы татарского народа и при необходимости брать на себя обязательства от имени этого парламента. Сейдамет уехал в Европу, где активно выступал в защиту права крымских татар на самоопределение, на независимость.

Весной 1919 г. в Крым вошла Красная армия и здесь была вновь установлена советская власть. 23 апреля 1919 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было решено «признать желательным создание Крымской Советской Республики». 28 апреля 1919 г. состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), где было решено во главе крымского правительства поставить М.П. Кристи, а затем «ввести двух мусульман и не более двух русских»⁴⁰. Таким образом, ЦК РКП(б) поставил задачу вовлечения крымских татар в руководящие органы создаваемой Крымской ССР. В ее правительство вошли, словно следуя упомянутому выше требованию Курултая о количестве татар в крымском правительстве, пять крымских татар (нарком иностранных дел С. Меметов, нарком юстиции И. Арабский, нарком земледелия С. Идрисов, управделами А. Боданинский; позднее, по решению Оргбюро ЦК РКП(б) на вновь образованную должность наркома по национальным делам был на-

³⁷ Азербайджан (Баку). 1919. 7 июня.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-6396. Оп. 1. Д. 33. Л. 6, 16.

³⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 3. Т. 4, 5. М., 2006. С. 423.

⁴⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 3. Л. 2; Д. 5. Л. 1.

значен И. Фирдевс), в городах и селах были созданы комиссариаты по мусульманским делам. Совет обороны республики 12 июня постановил сформировать мусульманские войсковые части. По одним данным, большевикам удалось сформировать две турецко-татарские сотни и мусульманскую роту в 196 человек⁴¹.

В избранный в конце апреля 1919 г. Крымский областной комитет РКП(б) вошел присланный Москвой турецкий коммунист М. Субхи. При обкоме было образовано Бюро Татарской секции в составе: М. Субхи, двух крымских татар (А. Боданинский, С. Меметов)⁴². К пропаганде большевики привлекли тогда и религиозных деятелей. Поразительный факт привел Фирдевс, выступая 2 декабря 1919 г. в Москве на II съезде коммунистических организаций народов Востока: весной 1919 г. в Симферополь прибыл сначала известный в Крыму мулла И. Тарпи (крымский татарин), а затем известный во всей бывшей Российской империи и популярный среди мусульман мулла А. Ибрагимов (сибирский татарин). Они к тому времени вступили в ряды РКП(б), получили соответствующие мандаты и крупные денежные суммы на привлечение крымских татар в ряды Красной армии⁴³.

И эти попытки большевиков с помощью красных мулл привлечь на свою сторону крымско-татарское население никаких заметных результатов не принесли. Желających татар воевать за красных было мало, что связано с тем, что татарское население на южном побережье Крыма из-за проводимых при советской власти гонений на мулл, реквизиций хлеба и скота, грабежей, насилия, террора относилось к ней с враждой. Среди татар шли разговоры, чтобы поднять вооруженное восстание против большевиков⁴⁴. Вскоре и эта республика перестала существовать.

25 июня 1919 г. деникинцы заняли Симферополь и прекратили деятельность директории, а все ее имущество передали Особой комиссии о вакуфах. Среди татар возникло возмущение тем, что белые решили восстановить дореволюционный муфтият⁴⁵, упраздненный после падения самодержавия самими же татарами. Все эти и другие действия деникинского руководства привели к тому, что уже в конце 1919 г. крымско-та-

⁴¹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. 2-е изд. С. 501—507; Брошеван В. Симферополь... С. 27.

⁴² Брошеван В. Симферополь... С. 26.

⁴³ Протоколы... С. 442.

⁴⁴ Российский государственный военный архив. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 29. Л. 59.

⁴⁵ Южные ведомости (Симферополь). 1919. 1, 4, 6, 9, 10, 15 августа.

тарское население было настроено враждебно и к белым, потеряв при них возможность участия в политике.

Тем временем в Москве продолжали разрабатывать свой план решения крымского вопроса. 13 января 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) рассматривался этот вопрос и было решено принять в принципе тезисы, предложенные Д.И. Ульяновым, Ю.П. Гавеном и В.Н. Максимовским, включая и пункт о независимости Крымской ССР, поручив Л.Б. Каменеву переработать их. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 17–18 января 1920 г. было постановлено утвердить решение Оргбюро ЦК РКП(б) о восстановлении Крымской ССР⁴⁶. Это решение было принято, чтобы превратить Крым в «буфер», наподобие Дальневосточной республики, между советской Россией и другими странами. В то же время статус независимой республики был привлекательным для крымских татар, мог их поднять к борьбе против белых в Крыму.

В конце марта 1920 г. П.Н. Врангель заменил Деникина, став главнокомандующим Вооруженными силами Юга России. Согласно одной точке зрения, Врангель официально обещал крымским татарам автономное управление, законопроект о татарской автономии был готов осенью 1920 г., предусматривая самоуправление в религиозной, культурно-просветительной и финансовых сферах, но автономию не успели провозгласить⁴⁷. Согласно другой точке зрения, Врангель якобы игнорировал автономистские требования крымских татар⁴⁸.

Выступая на первом заседании своего правительства 9 апреля 1920 г., Врангель поставил его членов в известность, что политику Деникина, проводившего под лозунгом единой России непримиримую борьбу со всеми населяющими российское государство нерусскими народами, он считает ошибочной и намерен стремиться к объединению всех антибольшевистских сил⁴⁹. Важная роль при этом была отведена пропаганде, чтобы привлечь крымских татар на свою сторону, чтобы изменить настроение этой значительной и сплоченной группы населения Крыма. Первым делом при Врангеле было разрешено издание периодических изданий на крымско-татарском языке. Первый номер газеты «Крым мусульманлары» («Крымские мусульмане»), являющейся печатным органом Штаба

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 54. Л. 1, 2; Д. 55. Л. 1, 3.

⁴⁷ Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 253.

⁴⁸ Зарубин В.Г., Зарубин А.Г. Крымскотатарское национальное движение (июнь 1918 — ноябрь 1920) // Проблемы политической истории Крыма. Вып. 1. Симферополь, 1996. С. 21.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-356. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

армии Врангеля, вышел в Симферополе 14 апреля 1920 г. В этом номере было напечатано интервью с Врангелем. Касаясь национальной политики, он сказал, что на запросы местных народов, в том числе татар, теперь обращено самое серьезное внимание⁵⁰.

На политику Врангеля в отношении татар оказали влияние сообщения европейской прессе о действиях Сейдамета в Европе, где он в качестве представителя КрНР вел разнообразную работу, чтобы доказать европейцам право крымских татар на независимость. После окончания Парижской мирной конференции Сейдамет, находясь в Берне, как полномочный представитель парламента Крыма, обратился в начале апреля 1920 г. к польскому послу в Швейцарии с просьбой довести до правительства Польши предложение крымских татар принять с одобрения Лиги наций мандат над Крымом. 9 мая Сейдамет направил письмо главе польского государства Ю. Пилсудскому, 17 мая обратился к нему и в Лигу наций с предложением о передаче Крыма под мандат Польши⁵¹. Телеграмма Сейдамета в Лигу наций была опубликована в швейцарских газетах⁵², а 31 мая 1920 г. ее опубликовала парижская газета «Le Temps» — орган французского МИДа.

Врангель отреагировал в своей национальной политике на все эти известия следующим образом: он инициировал проведение в Симферополе Всекрымского татарского съезда, созванного 16 мая. На нем в речах Врангеля и особенно начальника Гражданского управления Д.П. Перлика татарам было, согласно распространенному в историографии подходу, дано понять, что рассчитывать на какую бы то ни было автономию не придется, татары обязаны всячески поддерживать армию, выполнять военную и конскую повинность, а правительство пойдет навстречу удовлетворению их культурно-просветительных и некоторых экономических нужд. В религиозно-просветительской области им обещали самостоятельность и самоуправление. Но Врангель не торопился с реализацией своих обещаний, а глава его правительства А.В. Кривошеин отверг законопроект, предусматривавший религиозное самоуправление⁵³. Это не так.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 1531. Л. 1, 2.

⁵¹ *Libera P. Dżafer Sejdamet do Marszałka Józefa Piłsudskiego w sprawie objęcia mandatu nad Krymem przez Polskę* // Nowy Prometeusz. 2012. № 2. S. 318–319.

⁵² *Journal de Genève* (Женева). 1920. 16, 17 mai.

⁵³ *Зарубин В.Г., Зарубин А.Г. Крымскотатарское национальное движение...* С. 21; *Они же. Без победителей...* 1997. С. 279; *Зарубин В.Г. Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г.)* // Историческое наследие Крыма. 2003. № 1. С. 75.

Приехав 16 мая из Севастополя в Симферополь, чтобы участвовать в открытии съезда, который проходил в доме губернатора, Врангель, выступая перед его делегатами, в частности, сказал: «Стремясь пойти навстречу удовлетворению культурно-просветительных, духовно-религиозных и некоторых экономических нужд татарского населения, я наметил ряд мер и желал бы предварительно выслушать ваши соображения по вопросам, намеченным в программе съезда»⁵⁴. После съезда его администрация стала не только демонстрировать мусульманам свое уважение к их религии, но в сфере культуры и образования татарского населения Крыма начались заметные улучшения.

Признание французским правительством правительства Врангеля в начале августа 1920 г. сказалось и на его отношении к татарам. Находившийся в Европе Сейдамет, у которого были тесные контакты с французскими политиками, в письме прибывшему в Москву на II конгресс Коминтерна Энвер-паше⁵⁵ отметил 21 августа 1920 г., что французы, пойдя на такой шаг, полагали, что без серьезной поддержки крымских татар врангелевцы окажутся беспомощными при обороне Крыма от красных, и потому заявили Врангелю, что необходимо признать национально-культурную автономию крымских татар и их вооруженные силы⁵⁶. Соответствующее совещание началось в Симферополе 25 августа с целью разработки законопроекта автономии крымских татар. Такой документ был готов⁵⁷. Его суть сводилась к тому, чтобы татарам Крыма предоставить право самоуправления в религиозных, культурно-просветительных и финансовых вопросах, избирая с этой целью их руководящий орган. Представитель правительства заверил участников совещания, что проект в ближайшее время попадет в правительство и не позже чем через два месяца вступит в действие⁵⁸.

Кроме того, летом 1920 г. советское руководство констатировало, что Лондон намерен был превратить Крым «в подчиненную Великобрита-

⁵⁴ Юг России (Севастополь). 1920. 17 мая; Таврический голос (Симферополь). 1920. 17 мая.

⁵⁵ Исхаков С.М. Неизвестные фотографии из истории советско-османских отношений (1920 г.) // Исторический вестник. 2020. № 32. С. 307.

⁵⁶ Yamauchi M. The green crescent under the red star. Enver Pasha in Soviet Russia 1919–1922. Tokyo, 1991. P. 96–99.

⁵⁷ См.: Исхаков С.М. Мусульманская политика П.Н. Врангеля // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 203–213.

⁵⁸ Таврический голос (Симферополь). 1920. 1 сентября; Юг России (Севастополь). 1920. 26 августа, 1 сентября.

нии территорию», «фактически аннексировать» его⁵⁹. 6 сентября 1920 г. Сейдамет, находясь в Лозанне, написал письмо премьер-министру Великобритании Д. Ллойд Джорджу, в котором просил оказать помощь крымским татарам в их борьбе за независимость⁶⁰.

В Москве поспешили взять Крым. Как только он в середине ноября 1920 г. был занят Красной армией, 15 ноября 1920 г. состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), на котором обсуждался вопрос о Крыме и было решено: «в принципе отказаться от независимости Крыма и присоединения к РСФСР, отменив имевшее уже место решение по данному вопросу»⁶¹, т.е. лозунг о самостоятельной крымской республике был лишь пропагандистским маневром, рассчитанным на крымских татар.

С занятием Крыма Красной армией в середине ноября 1920 г. был создан Крымский ревком, в который вошли 2 крымских татарина — С. Идрисов и С. Меметов, которые, по мнению Т.Б. Быковой, находились в ревкоме только для галочки⁶². Это не так, поскольку эти политики были очень нужны большевикам для того, чтобы вести пропаганду среди крымско-татарского населения и бороться против политических соперников большевиков в татарской среде, где у новой власти не было поддержки.

Уже в декабре 1920 г. в Крыму, в районе г. Судак произошло крупное Карабиберовское восстание крымских татар⁶³, в первой половине января 1921 г. в Бахчисарае — еще одно восстание⁶⁴. Эти и другие факты показывали их решимость с оружием в руках бороться против советской власти, отстаивая свое право на самоопределение, на участие в политике и управлении своим краем.

Сейдамет, зная об этих восстаниях и других фактах антисоветской деятельности крымских татар, встретился 29 января 1921 г. в Париже с французским дипломатом Ж. Ларошем, заместителем начальника Департамента политических и экономических дел МИД Франции, которому изложил требования крымских татар и заявил, что они готовы под-

⁵⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 52, 53.

⁶⁰ Dündar A.M. Japonya arşivlerindeki İğiliz belgelerine göre Kırım milli mücadele tarihinden bir yaprak // Karadeniz Araştırmaları. 2006. № 11. S. 53–54.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 121. Л. 1–2.

⁶² Быкова Т.Б. Указ. соч. С. 122.

⁶³ Хаяли Р. Репрессивная политика советского государства в отношении крымских татар... С. 74.

⁶⁴ AMAEF. Ser. Z. Car. 651. Dos. 2. F. 51.

нять новое восстание против большевиков и выбить их из Крыма. Ларош ответил, что Франция очень сочувствует их национальным требованиям, но не может вмешиваться в конфликты в России и признавать повстанческие движения как национальные, что надо следовать примеру грузинского движения в Грузии⁶⁵. Грузинская Демократическая Республика, как известно, 21 января 1921 г. получила признание европейских держав. Иначе говоря, чтобы достичь такого же результата, крымским татарам, как следовало из этой беседы, нужно было вернуть себе власть в Крыму и обратиться оттуда к французскому правительству от имени Крымской Народной Республики.

«Особенности национальной политики» в Крымской АССР (1921–1927 гг.)

16 марта 1921 г. в Москве большевиками был подписан с кемалистами советско-турецкий договор о дружбе и братстве, по которому обе стороны обязывались отказаться от подрывных действий в отношении друг друга, не допускать на своих территориях организаций, враждебно настроенных к Москве или к Ангоре. На практике этот договор в Крыму воспринимался так. В письме наркома по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина члену Политбюро ЦК РКП(б) В.М. Молотову от 21 июня 1921 г. отмечалось, что члены Крымского ревкома намерены вести по отношению к Турции «революционную политику, в то время как мы ведем политику дружбы» с М. Кемалем, что означает, что «нашу политику по отношению к Турции будут в Крыму срывать. Не может же часть РСФСР вести по отношению к Турции противоположную политику, это колоссальнейшая нелепость»⁶⁶. Здесь подразумевается то, что в Турции действовали не только советские дипломаты, но даже и агенты Наркомата по делам национальностей РСФСР, который возглавлял И.В. Сталин.

30 апреля 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о создании автономной области в Крыму было решено поручить Сталину провести во вторник в Совнаркоме РСФСР проект создания автономной области в Крыму. 10 мая 1921 г. В.И. Ленин председательствовал на засе-

⁶⁵ Там же. Ф. 105, 129–131.

⁶⁶ Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы архивов МИД России. Ижевск, 2018. С. 554–555.

дании Совнаркома, на котором обсуждался вопрос о Крыме. Выступил Сталин и было решено «признать необходимым создание автономной Крымской Республики...». 18 мая 1921 г. Ленин участвовал в заседании пленума ЦК РКП(б), где было принято постановление об исправлении постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 30 апреля об образовании автономной Крымской республики: было решено послать телеграмму в Крымский ревком о том, что признано необходимым «выделить Крымский полуостров в Крымскую Автономную Республику». На должность главы Совнаркома Крымской республики Оргбюро ЦК РКП(б) 19 сентября 1921 г. назначало татарина С. Саид-Галиева⁶⁷, бывшего председателя Совнаркома Татарской АССР, направленного из Казани, а не представителя крымских татар. Это было еще одним признаком сильного недоверия Кремля к ним.

В октябре 1921 г. была провозглашена Крымская ССР в составе РСФСР. Такая смена статуса республики была сделана в Москве под влиянием главным образом внешнего фактора — позиции правительства Франции, которая являлась тогда сильнейшей военной державой в Европе. Иначе говоря, эта республика в Крыму появилась в результате опасения высшего советского руководства восстановления там независимой Крымской Народной Республики, которую вполне мог признать Париж, вслед за которым и правительства других стран, особенно союзники Франции.

В Париже внимательно наблюдали за тем, что делали большевики в Крыму. Принятая в ноябре 1921 г. Конституция Крымской ССР, как отмечалось в записке, направленной в МИД Франции через несколько месяцев, была похожа на конституции Азербайджана, Армении, Грузии и других республик, учрежденных советским правительством, она — более точное воспроизведение конституции Туркестанской АССР, которая, как и Татарская АССР, и другие не обладает автономией, кроме названия. Все эти республики являются региональной, а не национальной автономией⁶⁸. Иначе говоря, это была еще одна декретированная из центра республика, а не результат волеизъявления самого крымско-татарского народа.

Чтобы получить поддержку среди какой-то части татарских масс, 10 февраля 1922 г. появилось постановление ЦИК и СНК Крымской

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 65. Л. 1 об.; Оп. 3. Д. 157. Л. 1; Оп. 112. Д. 213. Л. 3; Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Л. 7.

⁶⁸ АМАЕФ. Ser. Z. Car. 651. Dos. 2. F. 138.

ССР «О татаризации государственных аппаратов и о применении татарского языка в учреждениях республики». На Татарское бюро Крымского обкома РКП(б) была возложена работа по проведению этой политики. Основными направлениями деятельности Татбюро стали вовлечение татар в управление, повышение экономического и культурного уровня крымско-татарского народа, перевод делопроизводства на татарский язык. Возникает, пишет Т.Б. Быкова, вопрос: что подтолкнуло большевиков на такое решение национального вопроса? Ее ответ: крымские татары в планах мировой революции выглядели союзником большевиков, заинтересованных в революции в Турции⁶⁹. После подписания вышеупомянутого советско-турецкого договора и появления вскоре Турецкой Республики такое объяснение не соответствует историческим реалиям.

По мнению Г.Н. Кондратюка, Москва тем самым предлагала свой вариант модернизации тюркского мира, основанный на принципах коммунистической партии, а не кемалистов. Крымские татары должны были стать проводниками коммунистического влияния на Ближнем Востоке⁷⁰. Но не стали, как свидетельствуют исторические факты.

Коренизация, как верно полагает Быкова, на деле означала попытку расколоть враждебный крымско-татарский лагерь. С этой целью Саид-Галиев инициировал массовый приток в Крым партийно-советской номенклатуры из Поволжья и Урала, подавляющее большинство из которых составляли татары. Через довольно короткое время в правительстве Крымской ССР начался конфликт между крымскими татарами и пришлыми, т.е. казанскими татарами⁷¹. Причем Саид-Галиев, посадив на все руководящие должности республики казанских татар, одновременно вытаскивал из власти крымских татар, что сильно возмущало последних⁷². Более того, при нем была прекращена деятельность 352 крымско-татарских школ под предлогом, что они были созданы религиозными мусульманскими общинами без согласования с отделами народного образования и из-за отсутствия надлежащих педагогических кадров. Также при нем большинство мечетей закрыли под предлогом, что в той или иной местности резко сокращалось количество верую-

⁶⁹ Быкова Т. Крымськотатарський аспект національної політики Кремля у Кримській АСРР (1921–1928 рр.) // Український історичний журнал. 2018. № 1. С. 100–103.

⁷⁰ Кондратюк Г.Н. Указ. соч. С. 27.

⁷¹ Быкова Т. Кампанія «татаризації» в Криму (1921–1928 рр.) // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії. Київ, 2014. С. 423.

⁷² Быкова Т. Крымськотатарський аспект національної політики Кремля... С. 113.

щих, ссылаясь на голод 1921–1923 гг., когда татарские деревни в Крыму вымирали почти полностью⁷³. Голод сильно обострился, отмечалось, например, в обзоре деятельности Крымского обкома РКП(б) за январь и февраль 1923 г., причем «голодает преимущественно татарское население»⁷⁴. В таких условиях недовольство татарских масс властью продолжало возрастать.

Как следствие влияние запрещенной властью крымско-татарской «Милли фирка» (Народной партии) усилилось в крымском обществе. Так, состоявшийся в феврале 1923 г. Всекрымский съезд работников просвещения прошел, по сведениям чекистов, при ближайшем участии этой партии. В марте 1923 г., по их же данным, усилилась агитационная и пропагандистская работа среди татарских «националистических групп», т.е. у миллифирковцев росла популярность в народных массах. В апреле — мае 1923 г. деятельность миллифирковцев, по наблюдениям чекистов, «оживляется», им удалось объединить мулл и учителей. Деятельность миллифирковцев и мулл в Крыму в июне — июле значительно усилилась⁷⁵. Все эти факты свидетельствуют, что религиозное и народное движения действовали все более солидарно, сближались, представляя тем самым большую угрозу для советской власти.

Чтобы не допустить дальнейшего сплочения этих движений, большевики решили расшатать изнутри традиционные социальные и религиозные структуры в мусульманских общинах, используя такой институт, как муфтият, через который рассчитывали проводить свою политику среди крымских татар. В апреле 1923 г. в Симферополе был воссоздан дореволюционный муфтият, но под новым названием — «Народное управление религиозными делами мусульман Крыма». Его работа планировалась в Восточном отделе ОГПУ. Руководитель этого отдела Я.Х. Петерс в письме от 22 сентября 1923 г. председателю Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) Е.М. Ярославскому отмечал: «В отношении ожидающегося крымского съезда, судя по предварительным данным, можно сказать, что подготовительная работа Крымполитуправления удовлетворительна, и съезд, очевидно, пройдет хорошо». В материалах съезда заявления

⁷³ Бикова Т. Політика Кремля щодо ісламу у Кримській АСРР (1921–1928 рр.) // Український історичний журнал. 2019. № 1. С. 105, 109.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 95. Л. 12.

⁷⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. 1922–1923 гг. Ч. 2. М., 2001. С. 793, 877, 924.

о поддержке решений советской власти⁷⁶, что означало, на взгляд чекистов, большой успех.

На самом деле использование ислама в политических целях было серьезной управленческой ошибкой, так как основная часть сельского крымско-татарского населения продолжала жить в соответствии с традиционными представлениями, согласно которым светская власть не имела права вторгаться в сакральную сферу, тем более использовать религию в своих целях, что и приводило к обратному результату. Так, 1 июня 1923 г. на совещании крымского мусульманского духовенства делегаты с мест указывали на быстрый рост мусульманского религиозного движения в деревне⁷⁷, которое можно считать неофициальным и неформальным измерением политической крымской жизни.

На этот процесс оказало противоречивое влияние появление в октябре 1923 г. Турецкой Республики — светского, демократического независимого государства, руководство которого пошло по пути модернизации всех сторон жизни, обновления страны, а также упразднения халифата. Среди мусульман Крыма после этого произошел раскол на два течения — антихалифатское и халифатское, что отразилось на настроениях народных масс и на их представителях во власти, прежде весьма лояльных к кремлевским вождям.

Сильная критика действиями Центра стала проявляться среди немногочисленной группы местных татар-коммунистов. Наиболее ярко это выразилось в письме местных татарских работников от 15 декабря 1923 г. в Москву, где содержалось требование отозвать Саид-Галиева из Крыма и назначить председателем Совнаркома кого-нибудь из крымских партийцев. Крымский обком рекомендовал на должность председателя Президиума ЦИК Крымской ССР крымского татарина В. Ибраимова, а председателем Совнаркома — крымского татарина О. Дерен-Айерлы. Эти кандидатуры были вскоре утверждены в Москве. Но ключевая должность секретаря Крымской областной партийной организации, который имел реальную власть на полуострове, все же не была отдана крымским татарам⁷⁸.

А их сопротивление новой власти усиливалось, несмотря на эти назначения. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в мае

⁷⁶ Гусева Ю.Н. Мусульмане Крыма и советская власть: взгляд из Москвы 1920-х гг. // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 1. С. 140.

⁷⁷ «Совершенно секретно»... Т. 1. 1922–1923 гг. Ч. 2. М., 2001. С. 904.

⁷⁸ Бикова Т. Кримськотатарський аспект національної політики Кремля... С. 115.

1924 г. в Крыму чекистами было предотвращено восстание, участниками которого были, как сказано в документе, подписанном 30 ноября 1924 г. начальником Контрразведывательного отдела ОГПУ А.Х. Артузовым, «частью кулаки-помещики татары (сохранившие привилегированное положение в силу особенностей национальной политики в Крыму), частью кулаки-русские» и др. При этом были расстреляны 132 организатора⁷⁹.

Кроме репрессий, власть продолжала использовать красных мулл для своего влияния на массы. Крымскими чекистами летом 1924 г. велась подготовка ко второму съезду представителей мусульманских общин Крыма, который состоялся 1–5 сентября 1924 г.: задача их состояла в «обозначении благоприятного состава съезда» с целью поддержки «прогрессивно-лояльного течения» среди религиозных деятелей⁸⁰, т.е. просоветского.

В ответ на эту акцию власти 24 сентября 1924 г. в крымском селении Кизилташ (на родине Сейдамета) состоялось тайное совещание членов «Милли фирка», на котором были приняты решения — не помогать советской власти в проведении ее политики, не обучать приезжих советских работников крымско-татарскому языку, политику татаризации взять под свой контроль, выдвинуть перспективных специалистов и молодежь в государственные и партийные органы, направить молодежь в наиболее перспективные вузы и др.⁸¹ Именно это послужило причиной неожиданной для власти активности крымских татар в жизни Крыма, той самой татаризации управления им.

Их общественно-политический подъем власть, однако, приписала себе. Так, в конце августа 1925 г. ответственный секретарь Крымского обкома РКП(б) С.Д. Петропавловский в интервью с воодушевлением заявил, что «перед нами налицо великолепный политический и культурный рост» татар Крыма⁸². «Политическая активность татарских трудящихся масс за последние годы возросла, — отмечалось в партийном официзоде летом 1926 г., — чрезвычайно; об этом красноречиво говорят

⁷⁹ «Ряд иностранных разведок действует по нашим указаниям» // Источник. 1995. № 4. С. 74.

⁸⁰ Ислам и советское государство (1917–1936). Сб. документов. Вып. 2. М., 2010. С. 81–85.

⁸¹ Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Милли Фирка». Документы свидетельствуют. Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Т. 1. Симферополь, 2009. С. 134.

⁸² Красный Крым (Симферополь). 1925. 25 августа.

результаты последней кампании по перевыборам Советов, в которой избиратели-татары оказались наиболее активными среди избирателей всех других национальностей... В период прошедшей перевыборной кампании выборные собрания посещались татарками-крестьянками на 90%»⁸³. Подобные социальные показатели и эмпирические индикаторы политического поведения до сих пор интерпретируются обычно как результат успешной советской национальной политики в Крыму, а на деле было иначе.

Критерием измеряемости политических отношений здесь служат другие данные, которые, как отмечалось, связаны со степенью религиозности среди татар. К примеру, побывавший осенью 1922 г. в Крыму председатель СНК Украинской ССР Х.Г. Раковский возмущался тем фактом, что земельные сделки на полуострове по-прежнему совершались на основе шариата⁸⁴. В отчете Крымского обкома РКП(б) за январь — апрель 1925 г. сообщалось, что в связи с мусульманским постом (уразой) мечеть посещали все, за исключением комсомольцев. Постились все, даже учительство, председатели сельсоветов и другие, и если даже не постились, то это скрывали от населения, чтобы не подорвать свой авторитет⁸⁵. Ураза, признавал партийный официоз в 1927 г., «занимает еще прочное место» среди татар, «и редко какая семья решится нарушить закон предков и ублажать свое бречное тело едой и питьем до захода солнца»⁸⁶. На совещании, состоявшемся в ЦИК Крымской ССР 11 сентября 1928 г., отмечалось, «до сих пор у татар признается законным брак, совершенный по религиозному обряду у муллы, несмотря на то, что они регистрируют брак и в загсе. Выкуп посредством так называемого калыма до сих пор записывается муллами при совершении обряда»⁸⁷. Все эти распространенные явления вызвали усиление борьбы против местных мусульман со стороны власти.

Начиная с 1924 г., уже при В. Ибраимове, началось повальное закрытие мечетей: в течение 1920-х гг. в Крыму было закрыто, но неполным данным, более 600 мечетей. При этом власти пытались представить ситуацию таким образом, что это сами представители мусульманской общины отказывались от культовых сооружений и требовали их закрыть. Со второй половины 1920-х гг. из крымских библиотек изымалась ли-

⁸³ Там же. 1926. 6 июля.

⁸⁴ Там же. 1925. 8 марта.

⁸⁵ Бикова Т. Політика Кременя щодо ісламу у Кримській АСРР... С. 108.

⁸⁶ Красный Крым (Симферополь). 1927. 20 марта.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 104. Д. 1016. Л. 424–425 об.

тература, которая имела религиозно-духовный характер. Даже уникальный гёзлёвский Коран, выполненный крымскими каллиграфами и художниками-миниатюристами в начале XIV в., 27 ноября 1925 г. был реквизирован и увезен из мечети в Евпаторийский музей древностей. Через несколько лет эта реликвия крымских татар исчезла и сегодня считается утраченной⁸⁸.

Все эти меры советского государства вызвали, однако, усиление недовольства среди крымско-татарского населения. Так, в феврале 1926 г. в Крыму в татарских селениях происходили многочисленные выступления, согласно советскому лексикону, «националистических группировок». Так, в д. Куркулет Ялтинского района их представители при выборах сельсовета были поддержаны наркомом здравоохранения республики Х. Чапчакчи (членом «Милли фирка»). В результате они одержали на перевыборах победу и председателем сельсовета был избран миллифирковец. В Бахчисарайском районе в д. Кучук-Озенбаш под их влиянием перевыборное собрание проходило в мечети. В Ялтинском районе на перевыборы правления сельхозтоварищества в татарское селение приезжал ответственный крымский работник Х. Хаттатов, который участвовал в совещании, где обсуждался вопрос о недопущении в новое правление коммунистов. Выборы принесли победу миллифирковцам⁸⁹. Борьба за независимость и религиозную свободу меняла не только социальную практику, но влияла и на коллективную идентичность крымских татар, спланивая их.

Это наиболее ярко проявилось в том, что идея татарской интеграции — стремление народа собрать людей своей культуры и языка на единой национальной территории — получила тогда широкую поддержку в Крыму. О. Дерен-Айерлы и В. Ибраимов даже обратились в январе 1925 г. в Президиум ЦИК СССР и к Сталину с докладной запиской «О реэмиграции крымских татар из Болгарии и Румынии в Крым и о причинах эмиграции крымских татар». Здесь была, как верно отмечает Г.Н. Кондратюк, представлена обширная программа переселения из-за пределов страны, в корне изменившая бы, в случае своего осуществления, этнический баланс в Крыму⁹⁰. Но такая перспектива как раз не устраивала Центр и руководство Крымского обкома РКП(б). Конфликт

⁸⁸ Бикова Т. Політика Кремля щодо ісламу у Кримській АСРР... С. 105–107, 111–113.

⁸⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 4. 1926 г. Ч. 1. М., 2001. С. 105, 154.

⁹⁰ Кондратюк Г.Н. Вели Ибраимов (1888–1928 гг.): штрихи к портрету // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 52–53.

привел к тому, что в начале 1926 г. В. Ибраимов и О. Дерен-Айерлы заявили о своих принципиальных разногласиях с секретарем этого обкома С.Д. Петропавловским. В результате 3 февраля 1926 г. последний снял с должности Дерен-Айерлы и принял меры к партийному перевоспитанию Ибраимова⁹¹. Такие решения были приняты по указанию Кремля и означали, что каким-либо иллюзиям крымских татар-коммунистов по-настоящему участвовать в управлении Крымом пришел конец.

18 марта 1926 г. состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), на котором было решено бронировать для переселения свободных земель Евпаторийского и Джанкойского районов, куда ежегодно переселять по 5 тысяч еврейских семей⁹². Это намерение Центра по масштабному еврейскому переселению в Крым привело к кризисной ситуации на полуострове.

В мае 1926 г. происходило, по оценке чекистов, «обострение» взаимоотношений в Крыму. Среди татар, в частности, в Ялтинском районе местные работники из различных органов вели агитацию с требованием татаризации всего аппарата на 100%. В июне 1926 г. в Алушке местные работники среди татарского населения вели аналогичную агитацию. В д. Актаци Евпаторийского района миллифирковец М. Бадраклы устраивал тайные собрания татар. Когда секретарь Кекинского сельсовета (Ялтинский район) Бекмамбетов вел у себя на квартире беседу антирелигиозного характера по поводу мусульманского праздника Курбан-байрама, то мулла вместе с религиозным обществом потребовал выдачи его для самосуда. Тот сдался, собравшиеся изорвали на нем рубаху, а мулла хотел избить его палкой, но был удержан. Бекмамбетов, по настоянию религиозного общества, извинился перед муллой⁹³.

Несмотря на подобные факты, пропаганда продолжала мистифицировать общественное мнение. Так, один из крымско-татарских политиков и известный педагог Я. Байбуртлы писал в августовском номере крымско-татарского журнала «Илери» («Вперед») (1926 г.): «Советская власть выделила Крым в автономную республику вследствие правильной оценки исторического, общественного и политического положения» татар⁹⁴. С.Д. Петропавловский, выступая с лекцией под названием «На-

⁹¹ Бикова Т. Крымськотатарський аспект національної політики Кремля... С. 118.

⁹² Ефимов А. Создание Еврейской Советской Социалистической Республики на Крымском полуострове в 20–30-е годы // Профи. 1999. № 8–9. С. 27.

⁹³ «Совершенно секретно»... Т. 4. 1926 г. Ч. 1. М., 2001. С. 384, 430, 516.

⁹⁴ Цит. по: Чагар Б. Об истории и сущности группировок и о методах их ликвидации // Известия Крымского областного комитета ВКП(б). 1928. № 10. С. 17. Байбуртлы был репрессирован в 1937 г.

циональная политика в свете ленинизма» на собрании членов Симферопольской партийной организации 21 октября 1926 г., публично заявил: «У нас, в Крыму, ...нужно помнить, что основной исторической национальностью, с которой, прежде всего, необходимо считаться и иметь дело, является национальность татарская»⁹⁵. На деле же было так. В мае 1927 г. заведующий бахчисарайской библиотекой (бывший мулла) в разговоре со своими знакомыми заявил: «В отношении татар ведется очень плохая и суровая политика...» В июне 1927 г. в д. Чоргунь Севастопольского района другой мулла грозил обещанием образования Крымской татарской республики⁹⁶, что означает сохранявшуюся надежду крымских татар на восстановление КрНР.

Одной из причин массового нарастания недовольства крымских татар стало уничтожение мусульманского образования, что подрывало духовную основу их жизни. К 1925 г. в Крыму осталось всего 12 мектебов, где обучалось 123 учащихся, к февралю 1926 г. все эти школы были закрыты. С начала 1926 г. к июлю 1927 г. в Крыму были ликвидированы 12 нелегальных мектебов, где учились около 250 человек⁹⁷. Все это привело к тому, что религиозная жизнь перешла в подпольную форму существования, что можно считать формой политического сопротивления. Несмотря на сильное давление со стороны властей, ислам оставался востребованным народными массами, уровень религиозности среди местных татар не снижался, а возрастал.

Летом 1927 г. в ряде районов Крыма опять начался голод. Один из участников состоявшегося в середине августа 1927 г. в Симферополе III объединенного пленума Крымского обкома и ОКК ВКП(б) с участием областного и симферопольского актива отметил, что в Крыму налицо голод. По сведениям, собранным крымским правительством, имеется уже 13 тыс. голодающих и почти исключительно все они — татары⁹⁸. Этой тяжелой ситуацией власть решила воспользоваться, чтобы нанести удар по недовольным.

В июле 1927 г. в Центральную контрольную комиссию ЦК ВКП(б) поступило заявление, в котором утверждалось, что В. Ибраимов в прошлом и настоящем продолжает поддерживать широкие связи с буржуазными элементами, поддерживает связи с торговцами и игнориру-

⁹⁵ Красный Крым (Симферополь). 1926. 26 октября.

⁹⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 5. 1927 г. М., 2003. С. 412, 476–477.

⁹⁷ Гусева Ю.Н. Указ. соч. С. 141.

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2443. Л. 162.

ет интересы бедноты. Получив этот «сигнал», ЦКК направила в Симферополь Я.Х. Петерса⁹⁹. Его появление в Крыму означало, что ситуация здесь сложилась крайне тревожная для центральной советской власти, и в Москве было решено начать там масштабную антитатарскую кампанию.

Перелом в «национальной» политике Кремля в Крыму

По предложению ЦКК ВКП(б) 6 января 1928 г. была создана комиссия под председательством наркома юстиции РСФСР Н.М. Янсона. В ее состав вошли председатель Верховного трибунала Я.Х. Петерс и прокурор РСФСР Н.В. Крыленко. Комиссия приняла решение арестовать В. Ибраимова¹⁰⁰. Следствием руководил заместитель начальника Восточного отдела ОГПУ Х.С. Петросян, который ранее руководил следствием по «делу» М. Султан-Галиева, обвиненного в создании контрреволюционной организации и репрессированного.

Арест Ибраимова вызвал, по наблюдениям чекистов, «оживленные толки» среди всех слоев населения Крыма. Среди татар преобладали разговоры о начале «наступления русских на татар». Были отмечены случаи антисемитских выступлений с указанием: «В этом вина только евреев». Наиболее сильное недовольство выражали учащиеся-татары, татарская интеллигенция, торговцы. Русские и представители других народов почти во всех случаях одобрительно отзывались об этом аресте¹⁰¹. Все это означало глубокий социально-политический раскол в крымском обществе.

«Суд» над Ибраимовым проходил в Симферополе с 23 по 28 апреля 1928 г. Он был обвинен в организации убийства бывшего партизана, в покушении на убийство крестьянина, в участии в бандитской шайке и растрате казенных средств. По его «делу» проходили 13 человек. Его и бывшего секретаря Комитета по расселению и переселению М. Абдулу приговорили к расстрелу, девять подсудимых получили тюремные сроки, трое были оправданы. Приговор Ибраимову и Абдулле был приведен в исполнение 9 мая 1928 г. Этот процесс послужил сигналом к началу репрессий в отношении миллификировцев. В том же году ОГПУ подготови-

⁹⁹ Ефимов А. Указ. соч. С. 28.

¹⁰⁰ Бикова Т. Як здійснювався терор проти кримськотатарської інтелігенції у 1928–1930 рр.? // Історія Криму у запитаннях і відповідях. Київ, 2015. С. 366.

¹⁰¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 6. 1928 г. М., 2002. С. 69–70.

ло большой процесс: были преданы «суду» 63 человека. Всего по делу этой партии были осуждены 53 человека, среди которых в основном видные представители крымско-татарской интеллигенции, многие из них занимали руководящие посты в государственных органах Крымской ССР. 11 человек были приговорены к расстрелу, замененному для большинства лишением свободы на 10 лет¹⁰². Кроме того, около 35 тыс. крымских татар, по сведениям находившихся в эмиграции руководителей зарубежного ЦК «Милли фирка» Б. Акчара и И. Отара, были сосланы на Урал под предлогом, что они сопротивляются коллективизации¹⁰³.

Устранение этих лидеров не остановило сопротивление крымских татар. Так, в январе 1930 г. в д. Ускют Карасубазарского района произошли волнения крымских татар, которые на собрании заявили, что «нашу мусульманскую веру топтать не позволим», «жён своих в коллективное пользование не дадим», «дайте нам дорогу в Турцию». Было составлено заявление в адрес турецкого посла с просьбой принять меры к переходу населения этого селения в турецкое подданство и разрешения в ближайшее время на выезд в Турцию. В конце января 1930 г. в горах стали собираться крестьяне из других татарских селений. Против них направили части ОГПУ, которые подавили эти выступления¹⁰⁴. По данным ОГПУ, в начале 1930 г. в Севастопольском районе были охвачены антисоветскими выступлениями три татарские деревни. Налицо имелась, как сказано в документе этого ведомства, «национальная контрреволюция в Крыму», переходящая в отдельных случаях к «повстанческим действиям». В одном случае при проведении арестов в одном из татарских селений толпа в 400 человек бросала камни в представителей власти¹⁰⁵. Эти вспышки протеста были следствием находившегося в подполье мусульманского движения, которое имело широкую социальную базу в Крыму.

Летом 1930 г. в Крыму вновь начался голод. Погибло от голода 1930–1933 гг., по разным оценкам, несколько десятков тысяч крымских татар¹⁰⁶.

¹⁰² История Крыма... Т. 2. С. 484.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 199.

¹⁰⁴ Хаяли Р. Репрессивная политика советского государства в отношении крымских татар... С. 78–79.

¹⁰⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 8. 1930 г. Ч. 2. М., 2008. С. 1312–1313.

¹⁰⁶ Возгрин В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма. В 4 т. 4-е изд. Симферополь, 2015. Т. III. С. 629, 642.

Протестные настроения усиливались среди местных управленцев на всех уровнях, которые поняли, в чем суть московской политики. Против нее открыто выступил председатель ЦИК Крымской АССР крымский татарин М.И. Кубаев на партконференции Джанкойского района в феврале 1931 г., охарактеризовав действия советской власти в отношении крымских татар как проявления великодержавного шовинизма, отметив при этом, что Центр ведет к гибели республику, после чего был снят с должности и впоследствии репрессирован¹⁰⁷. По этим же причинам были репрессированы осенью 1937 г. новый председатель ЦИК Крымской АССР И. Тархан, председатель Совнаркома Крымской АССР А. Самединов, 2-го секретарь Крымского обкома ВКП(б) С. Трупчу. В феврале 1938 г. 4-й отдел УГБ НКВД Крымской АССР «вскрыл антисоветскую националистическую шпионско-повстанческую террористическую организацию, созданную японской и турецкой разведками» и руководимую бывшими муфтиями А. Муслядином, Я. Кемалем, И. Тарпи и муллою Ю. Рахимовым. Большинство подсудимых были расстреляны. Обычных людей за соблюдение религиозных обрядов жестоко наказывали, вплоть до расстрела. В 1938–1939 гг. в Крыму репрессировали значительное количество государственных и партийных работников, а также религиозных деятелей из крымских татар. Антитатарская политика, однако, не принесла власти никакого реального успеха, а привела к очевидному провалу.

В 1939 г. партийные органы республики провели негласное изучение ситуации среди татар Крыма и вынуждены были сделать вывод, что никакой опоры у нее среди них фактически не было, а влияние религии оставалось по-прежнему высоким¹⁰⁸. С одной стороны, это означало усиление политической апатии, абсентеизма крымских татар, их почти полную отчужденность от остальной части населения Крыма, с другой — попытка насильственно удалить ислам из контекста общественной жизни крымских татар не принесла успеха большевикам, а напротив, стала их крупным просчетом, поскольку не учитывались особенности политической социализации в данной национальной, конфессиональной группе. Ислам, несмотря на гонения со стороны властей, продолжал занимать важное место и становился основой оппозиционного состояния, идеологией массового сопротивления, сущностью общественного сознания крымских татар.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 200; Бикова Т. Як здійснювався терор проти кримськотатарської інтелігенції... С. 367–368; История Крыма... Т. 2. С. 485.

¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2509. Л. 40, 44–45, 46, 54.

Таким образом, национальная политика как киевлян, так белых и красных была, по сути, чуждой интересам и устремлениям татар Крыма, довольно быстро убедив их, что продекларированное при этом равенство — миф, пропаганда, камуфляж, отсюда и возникали все кризисы в таких ключевых сферах, как экономическая, социальная, политическая, идеологическая, межэтническая, духовная. Утвердившись в Крыму, советское государство, с одной стороны, используя ислам в своей международной политике, с другой — в самом полуострове проводило антимусульманский курс, стремясь разорвать связь местных татар с их религией и мусульманским наследием. Большевики проводили в их отношении, по сути, популистско-неоколониалистскую политику, используя при этом различные методы, в том числе эгалитаристский, авторитаристский, модернизаторский, но все равно не достигли ощутимых результатов, не смогли ими управлять, репрессивные же действия власти лишь усиливали их упорное сопротивление. Татары Крыма, со своей стороны, испытывали неприятие навязываемого им пути общественного развития и боролись, как могли, за свою свободу и государственность.

REFERENCES

1. *Bikova T.* Kampaniya «tatarizacii» v Krimu (1921–1928 rr.) [Campaign of «Tatarization» in the Crimea (1921–1928)] // Krim vid antichnosti do s'ogodennya: Istorichni studii [Crimea from antiquity to the present: Historical studies]. Kyiv: Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine, 2014. S. 421–431.
2. *Bikova T.* Krims'kotatars'kij aspekt nacional'noï politiki Kremlya u Krims'kij ASRR (1921–1928 rr.) [Crimean Tatar aspect of the Kremlin's national policy in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (1921–1928)] // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal [Ukrainian Historical Journal]. 2018. № 1. S. 98–125.
3. *Bikova T.* Politika Kremlya shchodo islamu u Krims'kij ASRR (1921–1928 rr.) [Kremlin policy on Islam in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (1921–1928)] // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal [Ukrainian Historical Journal]. 2019. № 1. S. 94–120.
4. *Bikova T.* Stvorennya Krims'koï ASRR (1917–1921 rr.) [Creation of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (1917–1921)]. Kiiiv: Institut istorii Ukraïni NAN [Kyiv: Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences]. 2011. 247 s.
5. *Bikova T.* Yak zdijsnyuvavsya teror proti krims'kotatars'koï inteligencii u 1928—1930 rr.? [How was the terror against the Crimean Tatar intelligentsia carried out in 1928–1930?] // Istoriya Krimu u zapitannyah i vidpovidyah [History of Crimea in questions and answers]. Kiiiv: Naukova dumka, 2015. S. 370–372.
6. *Dufaud G.* The Establishment of Bolshevik Power in the Crimea and the Construction of a Multinational Soviet state: Organisation, Justification, Uncertainty // Contemporary European History. 2012. № 2. P. 257–272.
7. *Dufaud G.* L'invention d'une déviation nationaliste dans l'Union soviétique des années vingt: les Tatars de Crimée et la veli-ibraïmochtchina [The invention of a nationalist deviation in the Soviet Union of the 1920s: the Crimean Tatars and the veli-ibraïmochtchina] // Genèses. Sciences sociales et histoire. 2012. № 86. P. 105–126.

8. *Dufaud G.* Les Tatars de Crimée et la politique soviétique des nationalités [The Crimean Tatars and Soviet Nationality Policy]. Paris: Non Lieu, 2011. 440 p.
9. *Dündar A.M.* Japonya arşivlerindeki İgiliz belgelerine göre Kırım milli mücadele tarihinden bir yaprak [A leaf from the history of the Crimean national struggle, according to the Igiliz documents in the Japanese archives] // Karadeniz Araştırmaları. 2006. № 11. S. 39–56.
10. *Efimov A.* Sozdanie Evrejskoj Sovetskoj Socialisticheskoy Respubliki na Krymskom poluostrove v 20–30-e gody [Creation of the Jewish Soviet Socialist Republic on the Crimean Peninsula in the 20–30s] // Profi [Pro]. 1999. № 8–9. S. 24–30.
11. *Gromenko S.V.* Zabuta peremoga. Krims'ka operaciya Petra Bolbochana 1918 roku. Kiiiv, K.I.S. [Forgotten victory. Crimean operation of Peter Bolbochan in 1918. Kyiv, K.I.S.], 2018. 266 p.
12. *Guseva Yu.N.* Musul'mane Kryma i sovetskaya vlast': vzglyad iz Moskvyy 1920-h gg. [Muslims of Crimea and Soviet Power: A View from Moscow in the 1920s.] // Islam v sovremennom mire [Islam in the modern world]. 2016. Vol. 12. № 1. S. 137–144.
13. *Hayali R.* Ocherki istorii obshchestvenno-politicheskoy i kul'turnoj zhizni krymskih tatar v HKH veke [Essays on the history of the socio-political and cultural life of the Crimean Tatars in the XX century]. Simferopol': Dolya, 2008. 510 s.
14. *Hayali R.* Repressivnaya politika sovetskogo gosudarstva v otnoshenii krymskih tatar (1921–1941 gg.) [The repressive policy of the Soviet state towards the Crimean Tatars (1921–1941)] // Z arhiviv VUCHK–GPU–NKVD–KGB. № 1 (32) 2009 r. Harkiv [From the archives of VUCHK–GPU–NKVD–KGB. № 1 (32). 2009. Kharkiv], 2009. P. 71–86.
15. *Iskhakov S.M.* Musul'manskaya politika P.N. Vrangelya [The Muslim politics of P.N. Wrangel] // Krym. Vrangel'. 1920 god [Crimea. Wrangel. 1920 year]. M.: Social'no-politicheskaya mysl', 2006. S. 203–213.
16. *Iskhakov S.M.* Neizvestnye fotografii iz istorii sovetsko-osmanskih otnoshenij (1920 g.) [Unknown photographs from the history of Soviet–Ottoman relations (1920)] // Istoricheskij vestnik [Historical bulletin]. 2020. № 32. S. 306–315.
17. *Istoriya Kryma s drevnejshih vremen do nashih dnei (v ocherkah)* [History of Crimea from ancient times to the present day (in sketches)]. Simferopol': Atlas-kompakt, 2007. 423 s.
18. *Istoriya Kryma: v 2 t.* [History of Crimea: in 2 volumes]. M.: Kuchkovo pole, 2017. Vol. 2. 792 s.

19. Istoriya nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v SSSR, 1917–1978. V 2-h t. T. I. 3-e izd., dop. i pererab [History of nation-building in the USSR, 1917–1978. In 2 volumes. T. I. 3rd ed., Add. and revised]. M.: Mysl', 1979. 423 s.
20. *Jobst K.S.* «Dunkle» und «Goldene» Zeiten: Die krimtatarische Bevölkerung unter zarischer und sowjetischer Herrschaft bis 1941 [«Dark» and «Golden» times: The Crimean Tatar population under Tsar and Soviet rule until 1941] // Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften / Austrian Journal of Historical Studies. 2017. Vol. 28. Issue 1. S. 91–113.
21. *Jobst K.* Krym kak rossijskoe lieu de mémoire. Istoki v XIX v. [Crimea as Russian lieu de mémoire. Origins in the 19th century] // Istoricheskaya pamyat' i obshchestvo v Rossijskoj imperii i Sovetskom Soyuze (konec XIX — nachalo HKH veka). Mezhdunarodnyj kollokvium. Nauchnye doklady. Sankt-Peterburg, 25–28 iyunya 2007 g. [Historical memory and society in the Russian Empire and the Soviet Union (late XIX — early XX century). International colloquium. Scientific reports. St. Petersburg, June 25–28, 2007]. SPb., 2007. S. 88–93.
22. *Jobst K.S.* Die Perle des Imperiums. Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich [The pearl of the empire. The Russian Crimean Discourse in the Tsarist Empire]. Konstanz: Universitätsverlag, 2007. 485 s.
23. *Kırımlı Y.* W odpowiedzi ukraińskim imperjalistom [In response to the Ukrainian imperialists]. Wilno, 1938. 27 s.
24. *Kondratyuk G.N.* Uchenyj v kontekste epohi: deyatel'nost' Osmana Akchokrakly v period korenizacii v Krymskoj ASSR (1921–1938 gg.) [Scientist in the context of the era: the activities of Osman Akchokrakly during the period of indigenization in the Crimean ASSR (1921–1938)] // Akchokrakly Osman Nuri. Izbrannye sochineniya po istorii, arheologii, etnografii [Akchokrakly Osman Nuri. Selected works on history, archeology, ethnography]. Simferopol': OOO Forma, 2016. S. 22–29.
25. *Kondratyuk G.N.* Veli Ibraimov (1888–1928 gg.): shtrihi k portretu [Veli Ibraimov (1888–1928): strokes for a portrait] // Krymskoe istoricheskoe obozrenie [Crimean Historical Review]. 2019. № 2. S. 43–57.
26. *Kuzeev R.G.* Evraziya: al'ternativy teoreticheskikh podhodov i perspektivy izucheniya // Evrazijstvo: istoriko-kul'turnoe nasledie i perspektivy razvitiya. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (14–15 sentyabrya 2000 g.) [Eurasia: Alternatives to Theoretical Approaches and Prospects for Study // Eurasianism: Historical and Cultural Heritage and Development Prospects. Abstracts of the international scientific conference (September 14–15, 2000)]. Ufa, 2000. S. 20–21.

27. *Libera P.* Dżafer Sejdamet do Marszałka Józefa Piłsudskiego w sprawie objęcia mandat nad Krymem przez Polskę [Jafer Sejdamet to Marshal Józef Piłsudski on the assumption of the mandate over the Crimea by Poland] // *Nowy Prometeusz*. 2012. № 2. S. 317–322.
28. *Omel'chuk D.V., Akulov M.R., Vakatova L.P., Shevcova N.N., Yurchenko S.V.* Politicheskie repressii v Krymu (1920–1940 gody) [Political repressions in Crimea (1920–1940)]. Simferopol: Tavrida, 2003. 208 s.
29. *Özcan Ö.* Bir vatandan bir vatana. Rusya Müslümanlarından Türk İlim, Fikir ve Siyaset Hayatına Katkıda Bulunanlar [From a motherland to a motherland. Russian Muslims Contributing to Turkish Science, Intellectual and Political Life]. İstanbul: Dergân Yayınları, 2018. 680 s.
30. *Pashchenya V.N.* Razvitie stalinskoj sistemy gosudarstvennogo upravleniya v Rossii i Krymu v 1930-h godah. 2-e izd. [The development of the Stalinist system of government in Russia and Crimea in the 1930s. 2nd ed.]. Simferopol: IP Zueva, 2018. 542 s.
31. *Piskun V.* Institucional'noe stanovlenie diplomatii i vneshnepoliticheskie orientacii ukraïnskikh pravitel'stv (1917–1918 gg.) [Institutional formation of diplomacy and foreign policy orientations of Ukrainian governments (1917–1918)] // *Rossiya i Pervaya mirovaya vojna: ekonomicheskie problemy, obshchestvennye nastroyeniya, mezhdunarodnye otnosheniya: sbornik statej* [Russia and the First World War: economic problems, public sentiment, international relations: collection of articles]. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2014. S. 305–322.
32. *Puchenkov A.S.* Ukraina i Krym v 1918 — nachale 1919 goda. Ocherki politicheskoy istorii [Ukraine and Crimea in 1918 — early 1919. Essays on political history]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2013. 351 s.
33. *Ross N.* Vrangel' v Krymu [Wrangel in the Crimea]. Frankfurt/Main: Possev-Verlag, 1982. 376 s.
34. *Sejdametov E.H.* Krymskotatarskaya diaspora v mire: osnovnye voprosy izucheniya problemy [The Crimean Tatar Diaspora in the World: The Main Issues of Studying the Problem] // *Trudy NIC krymskotatarskogo yazyka i literatury. KIPU. Sbornik. T. I* [Proceedings of the Research Center of the Crimean Tatar Language and Literature. KIPU. Collection. Vol. I]. Simferopol', 2011. S. 412–418.
35. *Smith J.* Was There a Soviet Nationality Policy? // *Europe–Asia Studies*. 2019. Vol. 71. N. 6. 972–993.
36. *Ursu D.P.* Ocherki istorii kul'tury krymskotatarskogo naroda (1921–1941 gg.) [Essays on the history of the culture of the Crimean Tatar people (1921–1941)]. Simferopol: Krymuchpedgiz, 1999. 143 s.

37. *Vozgrin V.E.* Imperiya i Krym — dolgij put' k genocidu. Bahchisaraj: B.i. [Empire and Crimea — a long road to genocide. Bakhchisarai: B.i.], 1994. 44 s.
38. *Vozgrin V.E.* Istoricheskie sud'by krymskih tatar. M.: Mysl' [Historical destinies of the Crimean Tatars. M.: Mysl'], 1992. 446 s.
39. *Vozgrin V.E.* Istoriya krymskih tatar: ocherki etnicheskoy istorii koren'nogo naroda Kryma v chetyrekh tomah. 4-e izd. Simferopol': Kara deniz prodakshn [History of the Crimean Tatars: essays on the ethnic history of the indigenous people of Crimea in four volumes. 4th ed. Simferopol: Kara Deniz production], 2015. T. III. 879 s.
40. *Yamauchi M.* The green crescent under the red star. Enver Pasha in Soviet Russia 1919–1922. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1991. 395 p.
41. *Zarubin A.G., Zarubin V.G.* Bez pobeditelej. Iz istorii Grazhdanskoj vojny v Krymu [No winners. From the history of the Civil War in Crimea]. Simferopol: Tavriya, 1997. 351 s.
42. *Zarubin A.G., Zarubin V.G.* Bez pobeditelej. Iz istorii Grazhdanskoj vojny v Krymu [No winners. From the history of the Civil War in Crimea]. 2-e izd., ispr. i dop. [2nd ed., rev. and add]. Simferopol: Antiqua, 2008. 728 s.
43. *Zarubin V.G.* Mezhnacional'nye otnosheniya, nacional'nye partii i organizacii v Krymu (nachalo XX v. — 1921 g.) [Interethnic relations, national parties and organizations in Crimea (early 20th century — 1921)] // Istoricheskoe nasledie Kryma [Historical heritage of Crimea]. 2003. № 1. 1. S. 53–83.
44. *Zarubin V.G., Zarubin A.G.* Krymskotatarskoe nacional'noe dvizhenie (iyun' 1918 — noyabr' 1920) [Crimean Tatar National Movement (June 1918 — November 1920)] // Problemy politicheskoy istorii Kryma [Problems of the political history of Crimea]. Vyp. 1 [Issue 1]. Simferopol: KGIPI, 1996. S. 20–22.

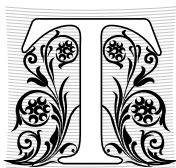

Ключевые слова:

Крым, крымские татары, мусульмане, ислам, белые, красные, национальная политика, Ч. Челебиев, Дж. Сейдамет, В. Ибраимов.

Salavat M. Iskhakov

THE STRIVING OF CRIMEAN TATARS FOR SELF-DETERMINATION (1917 — END OF 1930s)

he article depicts the striving of the Crimean Tatars for self-determination during the first half of the 20th C. Various interpretations of the events are known in modern historiography, which have been affected by the political environment and propaganda. The facts discussed by the author disclose a conclusion that the national policy of both the Red and the White was, at its core, never correlated to the interests and wishes of the indigenous peoples of Crimea. This caused many crises: economic, social, political, ideological, interethnic and religious. The Crimean Tatars felt a deep rejection of the imposed ways of social development and continued striving for a self-dependent state system.

Key words: Crimea, Crimean Tatars, Muslims, Islam, the White, the Red, national policy, Ch. Chelebiev, O. Sejdamet, V. Ibraimov.

Salavat M. Iskhakov — D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History.

 Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук,
заместитель председателя Секции «История социальных реформ,
движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным
вопросам российской и зарубежной истории